

4. Курс советского уголовного права. Т. VI. М., «Наука», 1971. 560 с.
5. Малков В. Д. Ответственность за хищение огнестрельного оружия. — «Сов. милиция», 1969, № 4, с. 91—95.
6. Погребняк И. Г. Квалификация составных преступлений. — «Сов. юстиция», 1970, № 13, с. 25—26.
7. Тихий В. П. Ответственность за хищение огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ по советскому уголовному праву. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Харьков, 1972. 20 с.

С. А. Альперт, канд. юрид. наук

РОЛЬ ОБВИНЕНИЯ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ

Совершенствование деятельности милиции, прокуратуры, судов, органов юстиции, о котором говорил на XXV съезде КПСС Генеральный Секретарь ЦК товарищ Л. И. Брежнев, ставит перед советской правовой наукой, в том числе и наукой уголовного процесса, задачу всестороннего исследования деятельности каждого из этих органов в их взаимодействии и разработки на этой основе предложений по дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

К числу актуальных вопросов теории и практики советского уголовного судопроизводства относится соотношение различных процессуальных функций, в особенности обвинения и правосудия. В юридической литературе каждая из этих процессуальных функций подвергалась обстоятельному исследованию. Однако вопрос об их взаимосвязи часто рассматривался в одном плане, а именно — осуществляет ли прокурор-государственный обвинитель надзор за деятельностью суда или же такой надзор несовместим с процессуальным положением государственного обвинителя как стороны в процессе [см.: 11, с. 37; 15, с. 33]. Не умаляя важности исследования данного вопроса в указанном смысле, необходимо подчеркнуть, что есть и другие стороны соотношения и взаимосвязи этих функций. Речь, в частности, идет о значении, роли обвинения в успешном осуществлении правосудия по уголовным делам. Такой подход к исследованию функции обвинения не получил еще должного развития в процессуальной науке, и только в последнее время отдельные авторы стали уделять ему определенное внимание [см.: 14, с. 149—153].

Выяснению связи обвинения с другими процессуальными функциями, его роли в осуществлении правосудия в значительной мере препятствовала ошибочная концепция, согласно которой советский уголовный процесс не знает разграничения процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела, ему чужда состязательность [см.: 18, с. 32, 72, 85—86; 7, с. 127, 130; 10, с. 31, 36]. Сама постановка вопроса о связи обвинения с другими процессуальными функциями, в том числе правосудием, возможна лишь там, где признается наличие этих функций и их разграничение.

Исследование вопроса связи обвинения с другими процессуальными функциями важно, прежде всего, потому, что оно позволяет

глубже осмыслить природу обвинения, выявить его задачи, роль и место в уголовном судопроизводстве.

К. Маркс обращал внимание на то, что «свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...» [1, с. 67]. Это положение имеет принципиальное, методологическое значение и для разрешения рассматриваемого вопроса. Роль и значение обвинения более полно и всесторонне раскрываются именно в его отношении с другими процессуальными функциями, во взаимодействии с ними. Обвинение органически связано со всей системой уголовного процесса, со всеми функциями, которые в нем осуществляются. Оно вызывает к жизни некоторые из этих функций, оказывает прямое или косвенное влияние на них. Следует, однако, учитывать, что связь обвинения с иными процессуальными функциями не является односторонней. Она взаимная, ибо и другие процессуальные функции, и прежде всего, функции защиты и правосудия, в свою очередь, оказывают влияние на обвинительную деятельность, на условия, в которых она осуществляется. Речь, следовательно, идет о взаимодействии указанных функций.

Общим для обвинения (имеется в виду обвинение государственное) и правосудия является то, что эти функции имеют ярко выраженный правоохранительный характер. Правоохранительная деятельность прокуратуры и суда, целеустремленность и взаимодействие этих органов — необходимые условия, обеспечивающие социальную эффективность советского уголовного судопроизводства. Действуя как органы правоохранительные, осуществляя в сфере уголовного судопроизводства общие для них задачи, прокуратура и суд выступают как органы, процессуально самостоятельные, которые при решении этих задач имеют свое особое направление, осуществляют, иначе говоря, свои процессуальные функции.

Обвинение как процессуальная деятельность предшествует функции правосудия и обуславливает ее возникновение. Этим, однако, роль обвинения не ограничивается. Обвинение — не самоцель, оно органически связано со всеми другими сторонами процессуальной деятельности и, прежде всего, с правосудием, ибо способствовать успешной деятельности суда при рассмотрении им уголовного дела — важнейшая задача обвинения, и государственного в особенности.

Вопрос о процессуальном статусе обвинителя и суда, об их взаимоотношениях в судебном разбирательстве большой. В настоящей статье автор рассматривает лишь некоторые стороны этой проблемы.

Поскольку в советском уголовном процессе функция обвинения отделена от функции правосудия, неизбежным является требование: тот, кто предъявляет обвинение, не может быть судьей по этому делу, недопустимо рассматривать суд как орган обвинения [см.: 12, с. 38]. Попытки некоторых авторов изобразить советский суд как орган, который также, как и прокурор, обвиняет, изобличает подсудимого, противоречат закону и потому должны быть от-

вергнуты. Такие взгляды основаны на том, что отождествляются связанные между собой, но различные понятия — «обязанность доказывания» и «обязанность доказывания обвинения». Суд, как прокурор и следователь, — лицо, производящее дознание, является субъектом доказывания и в этом смысле обязан полно, всесторонне и объективно исследовать все обстоятельства дела (ст. 22 УПК УССР, ст. 20 УПК РСФСР), обязан оценить имеющиеся в деле доказательства (ст. 67 УПК УССР, ст. 71 УПК РСФСР). Но из этого никак не следует, что на суде лежит обязанность доказывать обвинение. В отличие от обвинителя, который в ходе судебного процесса ясно выражает свою обвинительную позицию, изобличает подсудимого, суд ни при каких условиях не вправе до постановления приговора высказывать свое мнение о доказанности обвинения, а тем более изобличать подсудимого.

Утверждение о виновности лица является существенным элементом обвинительной деятельности, причем на всем ее протяжении. Такое утверждение может, однако, исходить и от суда, но лишь как итоговый вывод последнего, как результат его деятельности, получающий отражение в обвинительном приговоре. Если утверждение о виновности лица, исходящее от субъектов обвинения, имеет своей целью убедить суд в правильности такого утверждения, добиться осуждения подсудимого, то утверждение о виновности, содержащееся в судебном приговоре — это не акт обвинения, а акт правосудия, влекущий за собой иные, установленные законом, последствия.

В процессе осуществления своих функций обвинитель независим от суда, равно как суд независим от обвинителя. В отличие от англо-американской системы процесса, где отказ от обвинения влечет за собой обязательное прекращение производства по делу, в советском уголовном процессе отказ прокурора от поддержания обвинения не влечет за собой таких последствий. Поскольку дело поступило в суд, прокурор уже не вправе «распоряжаться» предметом обвинения, изменять что-либо, решать его судьбу. Решение этих вопросов зависит уже от суда, поставлено под его контроль, так как суд в сфере своей деятельности обладает полнотой власти. Кроме того, сформулированное на предварительном расследовании и поддерживавшееся в суде обвинение с момента судебного разбирательства становится предметом гласного рассмотрения. Поэтому необходимо обеспечить его гласную проверку, сочетаемую с такой формой разрешения вопроса о виновности подсудимого, которая, во-первых, гарантировала бы этому решению высокую степень авторитетности (ведь оно исходит от суда — органа правосудия), во-вторых, свидетельствовала бы о его полной убедительности в глазах граждан и, наконец, являясь, в случае признания подсудимого невиновным, актом полной и притом публичной его реабилитации.

Государственное обвинение (а оно является основным видом обвинения в советском уголовном процессе) лишь тогда сможет выполнить стоящие перед ними задачи, если будет опираться на

достоверные знания об обстоятельствах рассматриваемого дела, если выводы, которые отстаивает прокурор в суде, будут истинными.

В ряде высказываний В. И. Ленина мы находим указания на требования «солидарности обвинения», «точности», его «полнейшей доказанности», требование поставить его «правильно» [см.: 3, с. 110; 2, с. 127; 4, с. 88]. Эти требования ориентируют на необходимость обеспечения истинности обвинения. Лишь истинное по своему характеру обвинение содействует успешному осуществлению правосудия.

В сфере взаимодействия прокурора — государственного обвинителя и суда возникает вопрос о доказывании и его значении в деятельности каждого из этих субъектов процесса.

По мнению А. Л. Ривлина, связь обвинения и доказывания выражается в том, что последнее предшествует обвинению и является его основой, а потому оперирование доказательствами не составляет сущности обвинения [см.: 13, с. 257—258]. Как полагает автор, суть обвинения — это не обоснование виновности лица, а лишь утверждение о его виновности. В содержание обвинительной деятельности, конечно, входит и утверждение о виновности данного лица, но ограничить сущность обвинения только этим нельзя. Суд ждет от государственного обвинителя обоснования своих утверждений, т. е. деятельности по изобличению лица, в виновности которого прокурор убежден. Вне такой деятельности обвинения нет и быть не может. Если считать, что обвинение — это лишь утверждение о виновности данного лица, только результат доказывания, то логично было бы признать, что во время судебного следствия обвинения нет, прокурор не обвинитель, а обвинение имеет место лишь в судебных прениях, поскольку здесь формулируются определенные утверждения о виновности подсудимого. Но ведь, возникнув на предварительном расследовании в момент привлечения лица в качестве обвиняемого, обвинение не «обрабатывается». Оно осуществляется непрерывно (как и функция защиты) на протяжении ряда последующих стадий. Вместе с ним происходит и доказывание. Будучи тесно связанными между собой, обвинение и доказывание не поглощают друг друга. Доказывание является универсальным средством, с помощью которого выполняются все процессуальные функции, в том числе и обвинение. Выступая как единственное средство обоснования обвинения, доказывание приобретает здесь ярко выраженный удостоверительный характер [см.: 16, с. 288—289]. Оно направлено на то, чтобы обвинительные выводы, в правильности которых убеждены следователь и прокурор, были подтверждены, удостоверены в ходе последующей процессуальной деятельности, и стали убедительными как для суда, так и других лиц. «В уголовном судопроизводстве адресатом доказывания является не только субъект познания (соответствующие процессуальные инстанции), но и общее в целом» [см.: 16, с. 289], ибо общество должно убедиться в правильности позиции обвинителя, в справедливости обвинительного приговора. Удостоверительный характер деятельности обвинителя усиливает

воспитательную роль судебного процесса, содействует формированию у присутствующих социалистического правосознания, укрепляет глубокое уважение к закону.

В юридической литературе иногда отрицают, что прокурор в судебном разбирательстве осуществляет функцию обвинения [см.: 6, с. 5; 8, с. 81; 9, с. 282—283; 17, с. 20—21]. Сторонники этого взгляда полагают, что он выполняет в суде функцию надзора за законностью. Высказывая такие суждения, отдельные авторы исходят из того, что в противном случае неизбежны предвзятость, односторонность в деятельности прокурора, которые несовместимы с его положением как органа надзора за законностью. Так, С. А. Емельянов полагает, что «позиция, рассматривающая прокурора как обвинителя, предопределяет предубежденность в виновности подсудимого еще до окончания судебного следствия». Такая постановка вопроса неправильна в своей основе. Прежде всего, нельзя смешивать понятие убежденности прокурора и его предубежденности. Природа государственного обвинения в советском суде не имеет ничего общего с предубежденностью в виновности подсудимого, являющейся крайним проявлением односторонности, обвинительного уклона, решительно противоречащими требованиям советского уголовно-процессуального закона. Приступая к исполнению своих обязанностей государственного обвинителя, прокурор, конечно, должен быть убежден в виновности подсудимого, иначе его участие в процессе было бы лишено всякого смысла и противоречило бы закону. Требованиям полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела должна отвечать деятельность как органов расследования и суда, так и прокурора, в том числе и в случаях, когда он поддерживает государственное обвинение. Поэтому прокурор должен учитывать, что позиция, в правильности которой он был убежден, приступая к поддержанию обвинения, может измениться в ходе судебного следствия. Именно результатами судебного следствия должна определяться окончательная позиция государственного обвинителя. Только ими он должен руководствоваться в судебных прениях, высказывая мнение о виновности подсудимого.

Никто не отрицает, что прокурор в любой стадии процесса осуществляет надзор за законностью, но в каждой из них он осуществляет его в специфических формах. В судебном разбирательстве такой формой является поддержание государственного обвинения, хотя, конечно, деятельность прокурора в суде этим не исчерпывается. Но несомненно, что именно поддержание обвинения составляет здесь основное содержание его деятельности. Иные формы надзора прокурора за законностью возникают в судебном разбирательстве лишь в результате поддержания им обвинения. Так, например, предъявление прокурором гражданского иска или поддержание им иска, предъявленного истцом (ч. 5 ст. 264 УПК УССР, ч. 5 ст. 248 УПК РСФСР), есть конкретные формы осуществления прокурором надзора за законностью, которые могут иметь место лишь тогда, когда суд рассматривает дело по обвинению

поддерживаемому прокурором. Вне этой деятельности предъявление или поддержание прокурором гражданского иска в уголовном процессе невозможно. Правильно поэтому суждение В. М. Савицкого, что «обвинение возникает из функции надзора за исполнением законов непосредственно, а обязанность обеспечить законность в судебном разбирательстве всегда опосредствована процессуальной функцией обвинения и может возникнуть только после того, как обвинение сформулировано и передано на разрешение суда» [14, с. 35].

Важное теоретическое и практическое значение имеет вопрос о соотношении доказывания, осуществляемого в судебном разбирательстве прокурором, с одной стороны, и судом — с другой. Рассматривая его, В. Д. Арсеньев считает, что «...содержание обязанности доказывания у прокурора в судебном разбирательстве значительно уже, чем на предварительном следствии и дознании, и имеет вспомогательный характер по отношению к соответствующей обязанности суда... Основная обязанность доказывания (исследования и оценки доказательства по делу) в стадии судебного разбирательства возложена на суд» [5, с. 59—60]. Разумеется, деятельность прокурора на предварительном расследовании протекает в иных формах, нежели в судебном разбирательстве, поскольку различны конкретные задачи, условия этих стадий и процессуальное положение, занимаемое в них прокурором. Но из этого не следует, что в суде обязанности доказывания у прокурора уже, чем на предварительном расследовании. В каждой из этих стадий его обвинительные выводы должны быть результатом полного и всестороннего исследования единого предмета доказывания, очерченного законом (ст. 64 УПК УССР, ст. 68 УПК РСФСР). Различны не содержание обязанности доказывания, не объем его, а характер выводов, прокурора в каждой из этих стадий на основе доказывания.

Вызывает возражение и высказывание В. Д. Арсеньева о том, что в судебном разбирательстве лежащая на прокуроре обязанность доказывания имеет вспомогательный характер по отношению к соответствующей обязанности суда. С этим тезисом можно было бы согласиться, если бы он рассматривался автором в плане соотношения процессуальных функций обвинения и правосудия, при котором первое носит в известном смысле служебный по отношению ко второму характер. Учитывая, что именно суд разрешает дело по существу на основе непосредственного исследования всех доказательств по делу, можно было бы говорить, что обязанность прокурора осуществлять доказывание имеет здесь вспомогательный характер. Однако В. Д. Арсеньев говорит об ином, о том, что основным субъектом доказывания в этой стадии является суд и что на нем лежит основная обязанность доказывания. Как представляется, такой подход к данному вопросу может объективно привести к серьезной недооценке правовой обязанности прокурора обосновывать обвинение и в результате снизит его активность в ходе судебного разбирательства.

В стадии судебного разбирательства прокурор и суд как основные субъекты процесса выполняют ряд общих обязанностей, в том числе и в осуществлении доказывания. В этой деятельности они руководствуются общими для них указаниями закона относительно предмета доказывания, методов оценки доказательств и равной для них обязанности полно, всесторонне и объективно исследовать обстоятельства каждого уголовного дела.

Будучи самостоятельными субъектами доказывания, и прокурор, и суд обязаны сделать все от них зависящее, чтобы обстоятельства уголовного дела, прежде всего, относящиеся к вопросу о виновности подсудимого, были полно, всесторонне и объективно исследованы.

Убежденный в виновности подсудимого, прокурор не вправе ослаблять усилия по доказыванию обвинения в расчете на то, что суд сам обязан тщательно исследовать все обстоятельства данного дела. С другой стороны, суд не вправе полагаться на одни лишь утверждения прокурора и обязан самостоятельно проверить все доводы как в пользу обвинения, так и против него. Даже отказ прокурора от обвинения не освобождает суд от обязанности продолжать исследование дела и разрешить его по существу (ч. 4, ст. 264 УПК УССР; ч. 4, ст. 248 УПК РСФСР).

Правильное понимание роли и задач государственного обвинения в суде — необходимая предпосылка эффективного взаимодействия прокуратуры и суда, важное условие успешного осуществления социалистического правосудия.

Список литературы

1. Маркс К. Капитал. Т. I. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
2. Ленин В. И. Об ответственности за голословные обвинения. — Полн. собр. соч. Т. 35, с. 127.
3. Ленин В. И. Предложение в Политбюро ЦК РКП(б) о предании суду Унгерн. — Полн. собр. соч. Т. 44, с. 110.
4. Ленин В. И. П. А. Богданову. — Полн. собр. соч. Т. 54, с. 2—3.
5. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М., «Юрид. лит.», 1964. 179 с.
6. Басков В. И. Прокурор в суде первой инстанции. М., «Юрид. лит.», 1968. 200 с.
7. Голунский С. А. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. — В кн.: Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. М., Госюриздат, 1959, с. 122—160.
8. Даев В. Г. К понятию обвинения в советском уголовном процессе. — «Правоведение», 1970, № 1, с. 76—86.
9. Емельянов С. А. Некоторые вопросы участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции. — Проблемы борьбы с преступностью. Материалы научной конференции аспирантов и соискателей. Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. М., 1968.
10. Мокичев К. А. Против ревизионистских извращений марксистско-ленинского учения о государстве и праве. М., Изд-во Всесоюз. юрид. заоч. ин-та., 1959.
11. Перлов И. Д. Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе. М., Госюриздат, 1957. 203 с.

12. Ривлин А. Л. Понятие и система принципов советского правосудия. — «Учен. зап. Харьк. юрид. ин-та». Вып. 16. Харьков, 1962.
13. Ривлин А. Л. Понятие обвинения и его место в советском уголовном судопроизводстве. — В сб.: Вопросы государства и права. М., «Юрид. лит.», 1970, с. 254—262.
14. Савицкий В. И. Государственное обвинение в суде. М., «Наука», 1971. 344 с.
15. Строгович М. С. Прокурор — государственный обвинитель. — В сб.: Советская прокуратура на страже законности. Саратов, 1973.
16. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., «Юрид. лит.», 1973. 735 с.
17. Цыпкин А. Л. Сущность уголовно-процессуальной функции прокурора. — В сб. Вопросы теории и практики прокурорского надзора. Саратов, Изд-во Саратов. ун-та, 1974, с. 14—21.
18. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., Госюриздат, 1962. 503 с.

В. С. Зеленецкий, канд. юрид. наук

ПРИНЯТИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ В СИТУАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО РАВНОВЕСИЯ

Принятие решения о виновности или невиновности конкретного лица зависит от того, в каком соотношении находятся обвинительные и оправдательные доказательства. Такое соотношение существует объективно, и следователю, прокурору или суду остается лишь познать его. Сделанные на основе такого познания выводы должны быть истинными, так как они определяют принятие истинного или, напротив, ложного решения. Отсюда очевидна важность выяснения характера объективно существующего соотношения между обвинительными и оправдательными доказательствами, чему и посвящена данная статья.

Следует, прежде всего, отметить, что в уголовном деле и обвинительные и оправдательные доказательства представляют собой определенные объединения качественно разнородных доказательств образующих самостоятельные совокупности, на основании которых (в единстве с другими доказательствами) и принимается судебное решение [см.: 3, с. 74]. Совокупности доказательств, имея различное функциональное назначение, противостоят и, следовательно, противодействуют друг другу. Такого рода взаимодействие носит конкурирующий характер, представляя собой информационное отражение объективно существующего соотношения функций обвинения¹ и защиты в уголовном процессе [см.: 4, с. 33—50]. Сказанное позволяет назвать эти совокупности конкурирующими совокупностями доказательств. Такое их обозначение, отражая качественную определенность и характер указанного соотношения, позволяет также более точно проследить механизм и специфику познания в уголовном процессе.

Каждая совокупность доказательств отличается от другой конкурирующей совокупности присущей только ей качественной

¹ От функции обвинения, осуществляемого следователем (следственное обвинение) и прокурором (государственное обвинение) необходимо отличать возбуждение государственного обвинения как самостоятельную стадию советского уголовного процесса. В общей системе стадий она занимает промежуточное положение между стадией предварительного расследования и стадией предания обвиняемого суду.